

А.П. НАЗАРЕТЯН

В зеркале двух веков. Предварительные оценки и сценарии*

Статья 1. Двадцатый век, суровый и милосердный

Третьей мировой войны не будет, но будет такая борьба за мир, что от мира камня на камне не останется.

Анекдот 60-х годов XX века

Оглядываясь на отгремевшее столетие, рискну дать ему определение, которое может показаться неожиданным: это был первый в истории *век осуществленного гуманизма*. Большая часть его грандиозных достижений и издержек суть проявления достоинств гуманистической идеи, продолжившихся, по логике вещей, ее недостатками.

Прежде чем аргументировать приведенный тезис, попробую операционализировать понятие гуманизма, трактуемое подчас весьма расплывчато, а также разобраться, почему он (тезис) звучит столь непривычно.

Концепция гуманизма, имеющая глубокие корни в различных культурах мира (см. [1-5]), оформившаяся в Италии XIV-XV веков, прошедшая ударной волной по Европе в XVI веке и развитая прогрессистами и просветителями XVII-XVIII веков, содержит три фундаментальные установки. Во-первых, человек физически и духовно совершенен, занимает привилегированное положение в природе и призван стать ее "хозяином и властителем" (Р. Декарт). Во-вторых, принадлежность к человеческому роду наделяет индивида всей полнотой способностей и прав независимо от этнических, конфессиональных, классовых и прочих различий. В-третьих, человеческий разум способен преобразить созданный Богом мир, сделать его "значительно более прекрасным", перестроив "с гораздо большим вкусом" (Дж. Манетти).

Если первые две установки переключаются с некоторыми идеями прежних мыслителей и религиозных мессий (отличаясь большей четкостью и безусловностью акцентов), то третья, ориентирующая на сознательное улучшение божественного мира, - абсолютно оригинальна. Эта гуманистическая "ересь" составила ядро нового миропонимания и концептуальную предпосылку Нового времени. Она сделала социально поощряемой инновационную мотивацию, всячески подавлявшуюся традиционными культурами, раскрепостила творческий потенциал и стимулировала конструктивную активность¹. Последняя, в свою очередь, вырвала Европу из тисков сельскохозяйст-

Журнальный вариант главы из книги "Антропогенные кризисы в контексте универсальной истории: синергетический, психологический и футурологический аспекты". Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (фант № 00-03-0029).

¹ В более развитой и завершенной версии гуманизм, отбросив богословскую оболочку, превратился в последовательно светское мировоззрение. Человек не создан по чужому образу и подобию, не произведен и не подсуден верховному субъекту: он сам, его дух, мышление, воображение и воля - высшие реальности развивающегося мира.

Назаретян Аполлос Погосович - заместитель главного редактора журнала "Общественные науки и современность".

венного кризиса позднего Средневековья, сделав ее мировым лидером в области не только технологических, но и гуманитарных идей.

То, что тезис о практическом воплощении гуманизма заметно расходится с привычным представлением о XX веке, обусловлено, на мой взгляд, свойствами обыденного восприятия и памяти, обаянию которых нередко поддаются также профессиональные ученые и философы. В частности, психологами описан феномен ретроспективной аберрации: растущие ожидания, искажая оценку динамики социальных процессов, рождают неудовлетворенность настоящим и иллюзорные воспоминания о прошлом золотом веке.

Сто лет назад почти все, кому было знакомо понятие "человечество", подразумевали под этим едва ли не исключительно носителей европейской культуры. В данном смысле можно сказать, что человечество вступило в XX век с надеждой на безоблачный технический прогресс, растущее благополучие и взаимопонимание между народами. На таком фоне две мировые и несколько гражданских войн, концлагеря, забытый было кошмар массовых геноцидов и Хиросима произвели шок и вызвали представление о необычайной жестокости эпохи.

Действительно, по нашим расчетам, в XX веке на Европу пришлось не менее 50% военных жертв всего мира (причем почти все в первой половине века), тогда как в XIX веке - до 15%. Например, во всех колониальных войнах XIX века погибли 106 тыс. европейцев и миллионы туземцев [6]. Пока солдаты сражались в экзотических краях, жителям метрополий казалось, будто войны с их жестокостью ушли в прошлое. Но с исчерпанием резервов экстенсивного роста эпицентр силовых конфликтов переместился в Европу, а испытанное европейцами потрясение задало эмоциональный тон общепринятым оценкам "кровавого века". Хотя специальные исследования [7] показывают, что процент жертв насилия от общей численности населения планеты на протяжении XX века был не выше, а, вероятно, ниже, чем в предыдущие века. Но ни один из них не начинался столь массовыми оптимистическими ожиданиями...

После мировых войн ожидания изменились кардинально: доминантой массового сознания сделался страх перед тотальным ядерным конфликтом. В 50-е годы такой конфликт представлялся почти неизбежным, причем считалось, что большая часть человечества погибнет в первые же дни или недели, а оставшиеся вымрут в пораженной радиацией атмосфере.

К 70-м годам страх потерял прежнюю остроту. Сказались психическая адаптация, а также то, что ряд острейших кризисов (Карибский, Ближневосточный) удалось разрешить политическими средствами. В новой социально-психологической обстановке ученые привели доказательства того, что атмосфера способна отторгать радиацию и, следовательно, в атомной войне погибнет не все человечество, а "только" несколько сот миллионов людей. Правда, в начале 80-х годов независимые группы исследователей в СССР и в США продемонстрировали на компьютерных моделях другой сценарий ядерного Апокалипсиса: поднятые чудовищными взрывами и пожарами тучи пыли и пепла на несколько месяцев перекроют доступ солнечных лучей, сделав невозможным сохранение сложных форм жизни на Земле [8]. Но к тому времени многие люди уже успели поверить в способность политических лидеров избежать катастрофического поворота событий.

В результате принято считать, что в XX веке произошли только две мировые войны. Понятие "холодная война" воспринимается как журналистская гипербола, хотя число человеческих жертв в ее процессе соизмеримо с предыдущими "горячими" войнами. Но эти жертвы растянулись на четыре с половиной десятилетия и географически рассредоточились. А главное, они оказались несравнимы с ожидавшимися сотнями миллионов и миллиардами.

И здесь уже по-новому проявилось свойство селективности массового сознания. Память цепко зафиксировала эмоциональный шок первой половины века и страха

второй его половины, а тот факт, что самые страшные опасения не подтвердились, оставила за скобками.

Между тем последний факт имеет решающее значение для оценки итогов столетия. Из прежней истории известны примеры более или менее сознательного неприменения средств, которые могли бы быть полезны в бою. Китайцы столетиями использовали компас, порох, нефть - перспективные в военном отношении находки - для игрушек, фейерверков, лекарств и бытовых удобств. Японские самураи в XVII веке отказались от огнестрельного оружия, сочтя его недостойным истинного бойца. Еще раньше один из французских королей велел отрубить голову изобретателю автоматического "стреломета", сочтя, что такое оружие превратит войну в скучное занятие. Поступи он иначе - и, возможно, в Европе также не получило бы распространения огнестрельное оружие, на первых порах чрезвычайно громоздкое, малоэффективное и презираемое опытными воинами [9]. Судя по всему, пренебрежительное и часто дисквалифицирующее отношение к военно-техническим инновациям характерно для прежних эпох. Этнографами описаны также случаи, когда палеолитические племена, изолировавшись, забывали оружие, использовавшееся их предками (лук со стрелами и т.д.) [10].

Но все примеры подобного рода - лишь отдаленные аналоги тех фактов, которые имели место в XX веке. Речь идет об отказе от применения наиболее убойных видов оружия исключительно из-за их чрезмерной убойности. Такие факты нельзя не учитывать при характеристике политического мышления эпохи.

На исходе Второй мировой войны нацисты, самые одиозные из монстров столетия, даже под угрозой безоговорочного поражения и личной гибели, все же не посмели массированно применить боевые химические снаряды. С появлением атомного оружия такие жесткие политики, как Г. Трумэн, И. Сталин и их окружение, сумели выстроить систему международных отношений достаточно гибкую, чтобы избежать прямого военного столкновения сверхдержав.

Следует подчеркнуть, что этот бесспорный успех политиков и народов, пока не получивший, по-моему, заслуженной, оценки, был подготовлен глубокими историческими сдвигами в общественном сознании.

В XVII-XVIII веках христианские гуманисты (Б. Лас Касас, Эразм Роттердамский), вступив в известное противоречие с официальной религиозной доктриной, проповедовали единство людей независимо от верований и греховность войны как таковой. Политиками предлагались рецепты регулирования международных конфликтов посредством систематических конгрессов (Г. Гроций), добровольного объединения европейских государств в свободную от войн конфедерацию (Генрих IV). Философы XVIII века связали перспективу установления "вечного мира" с предварительной сменой государственного и (или) общественного устройства (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант и др.). В XIX веке эти идеи, совершенствуясь в полемике с сильными оппонентами (Г.В.Ф. Гегелем, Ф. Ницше), овладевали общественным сознанием. По свидетельству историка конца XIX века [11], среди его современников уже преобладало мнение, что "война есть зло, но... зло неизбежное".

Квалификация войны как зла к началу XX века стала общепринятой среди европейцев, хотя общество и политические лидеры почти не ведали иных механизмов объединения кроме как через размежевание: образ общего врага обеспечивал солидарные действия племен, государств, классов, партий на протяжении всей предыдущей истории².

Но в 1919 году была организована первая в истории международная организация, принципиально не направленная против третьих сил (Лига Наций), и в ее документах отчетливо зафиксировано, что война - это не нормальная деятельность государства,

² Даже в XX веке мемуаристами описаны характерные эпизоды, когда за предложением заключить союз следовал вопрос: "Против кого?" - и если вопрос не получал взаимоприемлемого ответа, союз не складывался. Поэтому А. Гитлер, изрекая, что политическая коалиция, не имеющая целью войну, бессмысленна, как юридический, озвучил общеизвестную истину, признавать которую считалось уже неприличным.

не продолжение политики, а катастрофа [12]. Хотя Лига Наций не смогла воспрепятствовать началу новой мировой войны, мысль о необходимости ликвидировать войну как форму общественного бытия становилась достоянием массового сознания. К антивоенным настроениям вынуждены были адаптироваться самые воинственные идеологии, спекулировавшие лозунгами "последнего решительного боя" ради дальнейшего вечного мира. Для этого требовалось установить всемирную диктатуру пролетариата, власть высшей расы или истинной веры.

Здесь также прослеживаются аналогии с предыдущими эпохами: мировые религии насаждались огнем и мечом под аккомпанемент проповедей о грядущем Царстве Божиим. Но симптоматично изменение риторики. Реанимация квазирелигиозных мотивов в XX веке обосновывалась не столько мистической, сколько социальной прагматикой. Ссылки на Божье вознаграждение-наказание, Страшный Суд и проч. остались уделом полубезумных сектантов, а политически продуктивная демагогия строилась на доказательстве практических достоинств навязываемой идеологии. Люди станут жить мирно и счастливо, ликвидировав эксплуататорские классы. Несовершенные нации заживут спокойнее, покоровшись всеокрушающей воле и разуму арийцев. Правильной, справедливой и безопасной сделает жизнь народов утверждение исламских ценностей... Более или менее изощренные мимикрии под гуманизм отличали даже такие идеологии XX века, которые по содержанию были с ним абсолютно несовместны. Что же касается коммунизма - самой влиятельной и амбивалентной из идеологий, - то мимикрия почти не требовалась: сердцевину мировоззрения составляло убеждение в величии и достоинстве человека, всеокрушающем могуществе и ценности его труда по преобразованию несовершенного мира (социального и природного). Едва ли не большинство выдающихся интеллектуалов первой половины столетия так или иначе переболело этой красивой идеей, симпатизируя ее носителям и не замечая гримас ее практического воплощения.

Парадоксально и влияние гуманистических установок на инновационную мотивацию в сфере военных технологий. Если прежде новшества оценивали негативно и часто даже отвергали из-за несоответствия боевому духу, то теперь логика обернулась: новое оружие оправдывали необходимостью минимизировать жертвы. Уже на подходе к XX веку изобретатели станкового пулемета (Х.Максим), динамита (А. Нобель), первых подводных лодок и т.д. тешили себя надеждой, что их детища обесмыслят войну.

Уверенность в том, что наращиванием убойной мощи возможно искоренить силовые конфронтации, вдохновляла творческую активность инженеров или, по крайней мере, служила психологической и социальной рационализации. До середины XX века жизнь последовательно развенчивала такие надежды, но дальнейший ход событий позволяет думать, что они были не совсем вздорными. Во всяком случае, "равновесие страха" помогло удержать противостоящие блоки от прямого столкновения, хотя "холодная" война оставила в наследство исторически беспрецедентную ситуацию, когда человечество может быть уничтожено действиями ограниченного числа индивидов.

Это один из бесчисленных примеров, демонстрирующих, сколь тесно переплетены в реальной жизни "добро" и "зло", как часто достижения оборачиваются потерями и наоборот. Примерами подобного рода особенно изобилует прошедшее столетие.

Еще одна группа примеров связана с заметным ростом материального благосостояния, информационных возможностей и средней продолжительности жизни людей практически во всех регионах планеты. Проще всего объяснить эти показатели развитием технологий, в том числе медицинских. В действительности, однако, они отражают очень существенное изменение ценностей и, в первую очередь, возросшее внимание общества к человеческой жизни - жизни не отдельных высокородных отпрысков, а каждого индивида вне зависимости от пола, возраста, классовой или этнической принадлежности.

В противовес этому утверждению можно указать на неравномерное распределение благ, различие в уровнях детской смертности и продолжительности жизни, удручающие условия - антисанитария, систематическое недоедание, - в которых живут значительные группы населения некоторых стран. Сложные экономические расчеты [13, 14] показывают, что с 1800 года до конца XX столетия разрыв в подушевом ВВП между наиболее развитыми и развивающимися странами возрос в 50-60 раз и продолжает увеличиваться.

Здесь, однако, следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое состоит в том, что авторы, указывающие на тяготы существования в бедных странах только с целью обосновать справедливую неудовлетворенность наличным положением дел, ограничиваются констатацией фактов в синхронном срезе; обращение к исторической диахронии (сравнение не с продвинутыми современными показателями, а с прежними эпохами) дезавуировало бы их аргументацию. Указывая, например, сколько людей в мире живут ниже установленного по западным нормам уровня нищеты и сколь высока детская смертность в той или иной стране, полностью обходят вопрос, жили ли предки нищенствующих ныне людей богаче и удавалось ли их прабабушкам вырастить больший процент рожденных детей.

Между тем, обратившись к сведениям из истории и этнографии, мы убедимся, что благосостояние, санитарные и прочие условия жизни, ее средняя продолжительность - все эти показатели даже в отсталых регионах к концу XX века превосходили аналогичные показатели прежних эпох. Причем не только по тем же регионам, но и по процветающим ныне странам. Так, в средневековой Европе лишь около 20% родившихся детей давали затем собственное потомство. Голод и регулярные эпидемии до конца XVIII века ограничивали среднюю продолжительность жизни 23 годами (данные по Франции) [15, 16]. Совокупная же оценка средней продолжительности индивидуальной жизни на протяжении всей истории человечества не превышает 20 лет [17, 18]. Очевидно, что нынешний разрыв в материальных доходах и условиях жизни есть следствие не ухудшения обстановки в бедных странах, а того рывка, который совершили страны Европы и Северной Америки за два-три столетия, а некоторые страны Азии - всего за несколько десятков лет.

В данной связи еще более важным представляется второе обстоятельство: технологический и экономический прогресс в регионах-лидерах дает вполне ощутимые результаты и в регионах-аутсайдерах. Те же расчеты, которые отражают растущий разрыв между такими регионами, обнаруживают совсем иную картину при переходе от сугубо экономического к "человеческому" измерению, включающему детскую смертность, ожидаемую продолжительность жизни, уровень грамотности, доступность информации и т.д. Динамика этих индикаторов отчетливо демонстрирует сокращающуюся дистанцию между полюсами [14].

На протяжении XX века практически во всех регионах планеты люди стали жить в среднем значительно (до 2 раз) дольше, будучи стабильнее обеспечены питанием, имея лучший доступ к медицине, образованию и информации, чем когда-либо ранее. Труднее поддаются оценке политические показатели. Мы можем оспорить конкретные критерии, по которым эксперты газеты "Нью-Йорк тайме" рассчитали количество людей, живущих в условиях демократии и диктатуры (соответственно 3,1 млрд и 2,66 млрд) и дали основание президенту У. Клинтону в инаугурационной речи 1996 года заявить, что впервые в истории человечества "демократическое" население составляет большинство (см. [19]). Но бесспорно то, что за сотню лет число землян увеличилось в 3,5 раза и, благодаря вовлечению многоэтнических масс в глобальный исторический процесс, небывало возросли объем и содержание понятия "человечество".

К. Тимирязев писал, что вся разумная деятельность человека есть "борьба с борьбой за существование"[20, с. 596]. Развивая эту мысль, Б. Поршневу усматривал в противоборстве с естественным отбором сущность социальной истории [21]. Сегодня можно добавить, что XX век стал эпохой решающей победы над этим жестоким

природным регулятором. Вместе с тем он окончательно вытеснил на периферию общественной жизни архаические формы искусственного отбора.

Этнографическая литература полна сообщений о том, с какой легкостью первобытные племена отделяются от "лишних" детей, особенно женского пола, - путем прямого убийства, жертвоприношений, оставляя беспомощных младенцев на покидаемых стоянках (где они становятся легкой добычей хищников) и т.д., что служит одним из средств демографического регулирования [10, 22-25]. В посленеолитических культурах инфантицид не носил столь массового характера, хотя, в прямых или косвенных формах, сохранялся до недавнего времени.

Еще в середине XX века из некоторых скотоводческих племен Ближнего Востока от путешественников поступали сведения о страшном древнем обычае приносить в жертву старшего сына хозяина в честь особенно важного гостя. В конфуцианском Китае 3 дня после рождения младенец не считался человеком и его умерщвление не осуждалось юридически или морально; когда же в 70-е годы XX века китайское руководство волевым указом ограничило численность семьи одним ребенком, некоторые молодые родители стали уничтожать первенцев-девочек, чтобы в последующем иметь мальчика [26].

Более изощренной формой инфантицида служат различные степени "пренебрежения" к жизни нежелательных детей, повышающего вероятность их гибели. Например, демографы указывают, что превосходство в продолжительности жизни женщин над мужчинами характерно для развитых культур западного типа (или успевших в значительной мере усвоить современные западные ценности), тогда как в странах с традиционной культурой соотношение обратное. В Объединенных Арабских Эмиратах девочки и женщины всех возрастов составляют только 35,1% населения. Низок процент женского населения и в других исламских странах, в странах Южной Азии, в Китае, Таиланде и т.д. Это объясняется гораздо большей заботой взрослых о жизни и здоровье детей мужского, чем женского пола [27].

Конечно, от традиций прямого и косвенного инфантицида не были свободны в прошлом ни Западная, ни Восточная Европа. Вот как Л. Толстой описывает в "Воскресении" историю Масловой-старшей, матери Катюши: "Незамужняя женщина эта рожала каждый год и, как это обычно делается по деревням (курсив мой. -А.Н.), ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, не нужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода" [28, с. 7]. А уже в начале XX века В. Вересаев, пересказывая беседу со старым псковским крестьянином, ругавшим медиков за то, что те спасают больных детей и мешают Богу "сокращать семейство", записал поразительную народную поговорку: "Дай, господи, скотину с приплодом, а деток с приморцем" [29, с. 274]...

Здесь уместно прибегнуть к точечному сопоставлению событий и особенно тех чувств, которые люди испытывают при столкновении с ними. Такой прием не полностью отвечает требованиям строгой науки, и, конечно, не может служить самостоятельным аргументом. Но в качестве дополнительной иллюстрации он подчас доходчивее, чем статистические выкладки, демонстрирует историческую динамику ценностных систем.

Читая изредка в газетах про опустившуюся алкоголичку, угробившую собственного младенца, про маньяка-людоеда или про действия агрессивной толпы, мы видим в таких фактах симптомы предельной человеческой деградации. Нашему современнику, не изучавшему специально этнографию и историю бытовых отношений, трудно представить себе, что эпизодические ныне случаи детоубийства, людоедства и прочих проявлений животной жестокости нормативны для иных культурно-исторических эпох.

Например, в большинстве стран отсутствует законодательный запрет на людоедство: считается, что у "нормального" человека такое желание возникнуть не может. Если доказано, что некто, изнасиловав и убив, затем съел свою жертву, судьи часто признают его невменяемым и не несущим ответственности за преступление. Пройдя курс "лечения", бывший "больной" выходит на свободу, и страшные эксцессы возобновляются. В Австралии же, где традиции

туземцев делают проблему гораздо более актуальной, только в 1959 году правительство начало принимать систематические меры против каннибализма. Прежде этому противились правозащитники, считавшие недопустимым навязывать аборигенам жизненные нормы европейских переселенцев. Но решающим импульсом стала эпидемия специфической "болезни людоедов": смертоносный вирус, передающийся через человеческое мясо (особенно мозговое вещество), грозил полностью уничтожить крупное племя *куру*, и правительству пришлось вмешаться [10].

Добавлю, что нормативное людоедство - не исключительная особенность палеолитических племен. В ряде регионов (Африка, Америка) оно сочеталось с рабовладением, в том числе и развитым. Африканские вожди, продавая соплеменников европейским работаргговцам, были уверены, что отдадут их на съедение, и недоумевали, узнав, что белые людей не едят. В государстве ацтеков самые изысканные блюда для высшей знати готовились исключительно из человеческого мяса [30]. Другие регионы Земли вроде бы оставили каннибализм за порогом неолита, но, например, в "Песне о нибелунгах" спокойно рассказано о том, как рыцари утоляют жажду на поле боя кровью поверженных врагов.

В 1998 году мировое телевидение облетели кадры публичных расстрелов в Чечне. Комментаторы драматическими голосами говорили о варварстве, а один из них, вспомнив про сходные традиции в ряде мусульманских стран, даже прозрачно намекнул на "особенность исламского менталитета". Между тем историки сообщают, что еще в первой половине XIX века публичные казни оставались любимым развлечением лондонцев. Не прошло и полутора веков с тех пор, как Англия отказалась от практики публичных казней (с 1870 г.). Некоторые европейские страны последовали этому примеру еще позже, но и в первой половине XX века эзэсовцы (и не только они) строили виселицы на площадях восточноевропейских городов. В конце века публичные казни уже казались почти невообразимым кошмаром.

В конце XX века трудно представить себе правительство, которое бы *официально* поощряло уничтожение инородцев без суда и следствия. Сотней лет ранее в странах Америки не только отравляли пруды "в видах изведения дикарей", но и публиковали таксы премий за скальпы индейцев: мужского, женского и детского. Так, в 1887 году власти Калифорнии сулили "двадцать долларов за скальп индейца с ушами" [30, с. 159, 160].

В 1918 году группа большевиков расстреляла царскую семью, чтобы она не попала в руки наступавшей Белой армии. Расстреляла подло, "исподтишка", тщательно замела следы, и затем единомышленники всячески избегали упоминать неудобную тему. А тремя столетиями ранее, в 1614 году, на московской площади повесили четырехлетнего мальчика - сына Марины Мнишек и Лжедмитрия [31] - и стрельцы сгоняли народ к месту казни, чтобы никто не болтал потом, будто ребенок выжил...

По В. Ключевскому, в процессе петровских реформ погиб каждый пятый житель России [32]. Но это не помешало потомкам ставить памятники великому царю, а специальные исследования показали, что в середине 90-х годов XX века для массового сознания россиян это был самый авторитетный из исторических персонажей. Если считать корректно (не абсолютные числа, а проценты), то правление Сталина уступает петровским временам по трагическим последствиям, но Сталин в наших глазах - тиран и убийца. Нечто подобное мы обнаруживаем при сравнении многих политических преступников XX века с героями прежних эпох. Все это свидетельствует о том, что, отвергая наивный тезис о "прогессе" в человеческих отношениях, большинство наших современников интуитивно пользуется различными нравственными критериями для оценки событий недавнего и отдаленного прошлого. А собственная эпоха видится нам необычайно жестокой прежде всего потому, что не отвечает опережающему росту ожиданий.

Феномен ретроспективной аберрации проявляется, конечно, не только в политических или макросоциальных оценках. Психологи, педагоги, публицисты, указывая на факты жестокости в семейных отношениях и приводя статистику детских самоубийств, пишут о *возросшей* агрессивности или "небывалом" безразличии со стороны родителей, т.е. выносят ничем не обоснованные суждения об исторической динамике. Возросшие требования и критерии вытеснили из памяти хорошо известное обстоятельство, состоящее в том, что телесные наказания дома, а затем и в школе служили основным воспитательным средством на протяжении столетий. "Сбережешь розги - испортишь дитя", - учили еще в XIX веке английские педагоги. Обратившись к сведениям из истории, культурологии и исторической социологии [33], мы легко убедимся: в массе своей семейные отношения сделались значительно мягче и "цивилизованнее", но наших современников, в том числе совсем юных, шокирует и психологически травмирует многое из того, что прежними поколениями воспринималось как должное...

Итак, хотя суровая реальность родного для нас столетия сильно отличалась от лучезарных картин, рисовавшихся воображению прогрессистов и просветителей, не стоит недооценивать его великих заслуг именно в гуманитарной сфере. В XX веке были заметно усовершенствованы механизмы ограничения социального насилия, вовлечения масс в политическую активность, а также протекции человеческого организма от неблагоприятных природных факторов. Но параллельно росла неудовлетворенность, обусловленная опять-таки специфическими феноменами социальной психологии - эффектом призмы (ретроспективная абберация) и эффектом зеркала³. Еще важнее здесь повторить, что воплощение в жизнь гуманистических установок несло с собой комплекс новых трудных проблем, оставленных в наследство XX веком.

О военно-политической стороне дела выше упоминалось. Ведущие государства, сумев воздержаться от прямого столкновения за счет переноса противоречий в русло локальных военных конфликтов, накопили ядерные боезаряды, совокупная взрывная мощь которых эквивалентна 1,2 млн хиросимских бомб [35]. С разрушением двух полюсного мира сдерживающие механизмы заметно ослабли, а соблазн произвольных действий, обеспечивающих сиюминутную политическую выгоду, возрос. Одновременно ядерным оружием овладевают народы, чьи лидеры не обременены опытом ответственности, который успели приобрести политические элиты "классических" сверхдержав.

Повысилась и вероятность применения гораздо более дешевых видов нетрадиционного оружия - бактериологического, химического, токсинного. Кроме того, развитие новых видов оружия, а также форм политического терроризма делает все более проблематичным удержание вооруженных столкновений в локальных рамках. Все это является побочным следствием широкого доступа к образованию, научно-техническим знаниям и умениям и заставляет говорить не только о сохраняющейся, но и об усиливающейся опасности глобальной катастрофы.

Хорошо известными издержками обернулась и реализация лозунга о покорении пассивной природы активной человеческой волей. Ценой за беспримерно высокие жизненные стандарты в одних регионах и стабильное обеспечение жизненных нужд в других регионах стало обострение экологических и демографических проблем. В частности, резко сократившаяся смертность при прежних показателях рождаемости обернулась быстрым и к тому же крайне неравномерным ростом населения, а широкая доступность информации и транспорта дала дополнительный импульс миграционным процессам.

На протяжении нескольких столетий, вплоть до 30-х годов XX века, основным источником демографического роста и миграций была Европа, лидировавшая в развитии технологии и экономики. Население Европы и выходцев из нее составляло 22% человечества в 1800 году и примерно 30% в 1930 году [36].

Когда же ареалы ускоренного роста населения переместились в регионы с отсталыми технологиями, усиливающиеся потоки людей устремились в благополучные страны. Но если расширение "жизненного пространства" европейцев обеспечивалось превосходством в военной силе, то сопротивление иммиграции из стран "третьего мира" блокируется гуманистическими представлениями об индивидуальном и этническом равноправии, а также чувством вины за колониальное прошлое. Тем не менее перспектива "растворения" коренных (или успевших укорениться) народов в потоке иноэтничных мигрантов, чьи культуры и обычаи воспринимаются как отсталые, влечет за собой новые социальные напряжения.

³ Первый как выше отмечено, состоит в том, что восприятие исторической динамики искажается опережающим ростом ожиданий. Второй - в том, что люди оценивают качество своей жизни через сравнение с жизнью других. Приведу хрестоматийную иллюстрацию. В середине 60-х годов XX века покупательная способность чернокожих граждан США была такой же, как у граждан Канады, а процент учащихся в колледжах превышал соответствующий процент среди жителей Британских островов. Но афроамериканцы проявляли недовольство своим положением, поскольку сравнивали его с жизнью не канадцев англичан или тем более африканцев, а своих белых соотечественников [34].

В целом бурный рост населения планеты давно вызывает у ученых и политиков тревогу, подчас доходящую до истерии. В начале 70-х годов, когда страхи по поводу ядерной катастрофы несколько улеглись, возник вопрос: а что будет, если ядерная война не произойдет? После первых докладов Римскому клубу мировую печать захлестнули прогнозы о том, на сколько хватит материальных, энергетических и биологических ресурсов планеты при наличных темпах роста населения и потребления⁴. Разразившийся вскоре нефтяной кризис дополнил расчеты ученых наглядным уроком дефицита, насытив алармистское мироощущение новым предметным содержанием.

Акцент на демографическом, энергетическом и прочих аспектах глобального экологического кризиса заслонил еще одну существенную проблему, которой оборачивается впечатляющая победа культуры над естественным отбором.

Последний, как известно, и в природе, и отчасти в обществе играл стабилизирующую роль, отбраковывая биологически неблагоприятные мутации вместе с их носителями. Резкое ослабление этого безжалостного механизма природы - один из самых замечательных успехов человеческой истории - не может пройти безнаказанно для сменяющихся поколений.

Говоря сугубо биологическим языком, чересчур благоприятные для каждой особи условия жизни снижают жизнеспособность популяции. В нашем случае гарантированное выживание почти всех родившихся детей ведет к накоплению генетического груза, которое, по мнению некоторых ученых, носит экспоненциальный характер [39]. В результате каждое следующее поколение людей рождается биологически менее жизнеспособным, а потому более зависимым от искусственной среды. И хотя в последнее время обнаружилось наличие дополнительных механизмов самозащиты генофонда [40], бесспорно одно: чтобы человек, одолевающий деспотизм естественного отбора, оставался жизнеспособным, его среда и образ жизни должны становиться все более искусственными.

Мутационный процесс усугубляется усиливающимся отравлением межтканевых жидкостей организма токсинами, тяжелыми металлами, а в последнее время и радионуклидами - отходами производств, накапливающимися во внешней среде [41,42]. Это ведет к необычайно быстрому (по биологическим меркам) перерождению химической среды клеток в многоклеточном организме, и неизвестно, сколь долго наличные средства искусственной протекции способны препятствовать переходу от химического перерождения внутренней среды организмов к лавинообразному вырождению вида...

В специальной и популярной литературе встречаются различные суждения по поводу того, вступило ли человечество в фазу глобального антропогенного кризиса или только еще приближается к ней. Подводя итог всему сказанному выше, можно заключить, что во второй половине XX века резко проявился только один из параметров кризиса - военно-политический, который удалось преодолеть, переведя его в следующую фазу, менее отчетливую, но не менее опасную. Продолжающийся рост населения и расходования ресурсов свидетельствует о том, что комплексный глобальный кризис пока не наступил, но симптомы его приближения, дополненные экстраполяционными расчетами, складываются в неутешительный диагноз: развитие мировой цивилизации приняло предкризисный характер. По всей видимости, поколениям XXI века предстоит самостоятельно решать ряд кардинальных мировоззренческих и практических проблем, содержание которых уже можно обрисовать с некоторой достоверностью.

⁴ Вопрос о том, что опаснее для будущего планеты: рост населения в бедных странах или рост индивидуального потребления в богатых странах - сильно политизирован. Согласно расчетам, средний американец потребляет в 150 раз больше энергии, чем житель Боливии, Эфиопии или Бангладеш [37], и наносит в 280 раз больший ущерб природе, чем житель Чада или Гаити [36]. Тем не менее научно обоснованным представляется мнение, что первый фактор (рост населения) опаснее второго. Увеличение социального богатства позволяет затрачивать средства на восстановительные мероприятия (повышая тем самым степень возобновления ресурсов) [38], а также на образование и дифференциацию деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фромм Э.* Анализ некоторых типов религиозных переживаний // *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
2. *Саадеев А.В.* Гуманизм в классической мусульманской мысли // ОНС. 1994. № 4.
3. *Васильев Л.С.* Конфуцианская традиция и современный Дальний Восток // ОНС. 1994. № 6.
4. *Семенов С.И.* Идеи гуманизма в ибероамериканской культуре//ОНС. 1995. №4.
5. *Puledda S.* On Being Human. Interpretations of Humanism from The Renaissance to the Present San Diego, 1997.
6. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь: войны и народонаселение Европы. СПб., 1994.
7. *Назаретян А.Л.* Психология предкризисного социального развития // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1.
8. *Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М.* Человек и биосфера. М., 1985.
9. *Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
10. *Diamond J.* Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. New York-London, 1999.
11. *Энгельгардт М.А.* Вечный мир и разоружение. СПб., 1899.
12. *Рапопорт А.* Мир - созревшая идея. Дармштадт, 1993.
13. *Мельянцева В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
14. *Фридман Л.А.* Процесс глобализации и его воздействие на развитые и развивающиеся страны. М., 1999.
15. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
16. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Ростов-н/Д., 1994.
17. *Капица С.П.* Модель роста населения Земли // Успехи физических наук. 1995. Т. 26. № 3.
18. *Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С.* Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М., 1997.
19. *Schlesinger A.* Has Democracy a Future? // Foreign Affairs. 1997. Sept./Oct. Vol. 76. № 5.
20. *Тимирязев К.А.* Исторический метод в биологии. Десять общедоступных чтений // Избр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 1949.
21. *Поринев Б.Ф.* О начале человеческой истории. Основы палеопсихологии. М., 1974.
22. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
23. *Леви-Строс К.* Печальные тропики. М., 1984.
24. *Фрэйзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1983.
25. *Clastres P.* El arco u el cesto // Alcor. 44,45. Mayo-Agosto. Asuncion, 1967.
26. *Шафаревич И.* Две дороги - к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7.
27. *Hiys G.D.* Relativism and Progress // Journal of Social and Evolutionary Systems. 1995. № 18(1).
28. *Толстой Л.Н.* Воскресение. М., 1993.
29. *Вересаев В.В.* Лизар//Повести и рассказы. М., 1988.
30. *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости. СПб., 1899.
31. *Соловьев СМ.* История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1963. Кн. 5.
32. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения. В 8 т. М., 1958. Т. 4.
33. *Кон И.С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1998.
34. *Петтигрю Т.Ф.* Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки: социологическая перспектива // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
35. *Довгуша В.В., Тихонов М.Н.* Нет войнам! // Жизнь и безопасность. 1996, № 4.
36. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
37. *Myers N.* Mass Extintion: What Can the Past Tell Us about the Present and the Future // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 1990. Vol. 82.
38. *Люри Д.И.* Развитие ресурсопользования и экологические кризисы. М., 1997.
39. *Бочков Н.П.* Кинетика человека. Наследственность и патология. М., 1978.
40. Генетическая инженерия: технологические возможности, социальные перспективы, этические проблемы. "Круглый стол" ученых // ОНС. 1998. № 5.
41. Проблемы клинической лимфологии и эндоэкологии. I Российская конференция с международным участием, 17-19 ноября 1997 г. Доклады и тезисы докладов. М.-Сочи, 1997.
42. *Зубаков В.А.* Параметры стратегии выживания // ОНС. 2000. № 5.